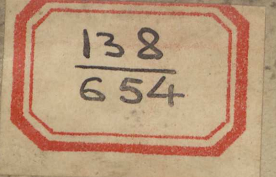
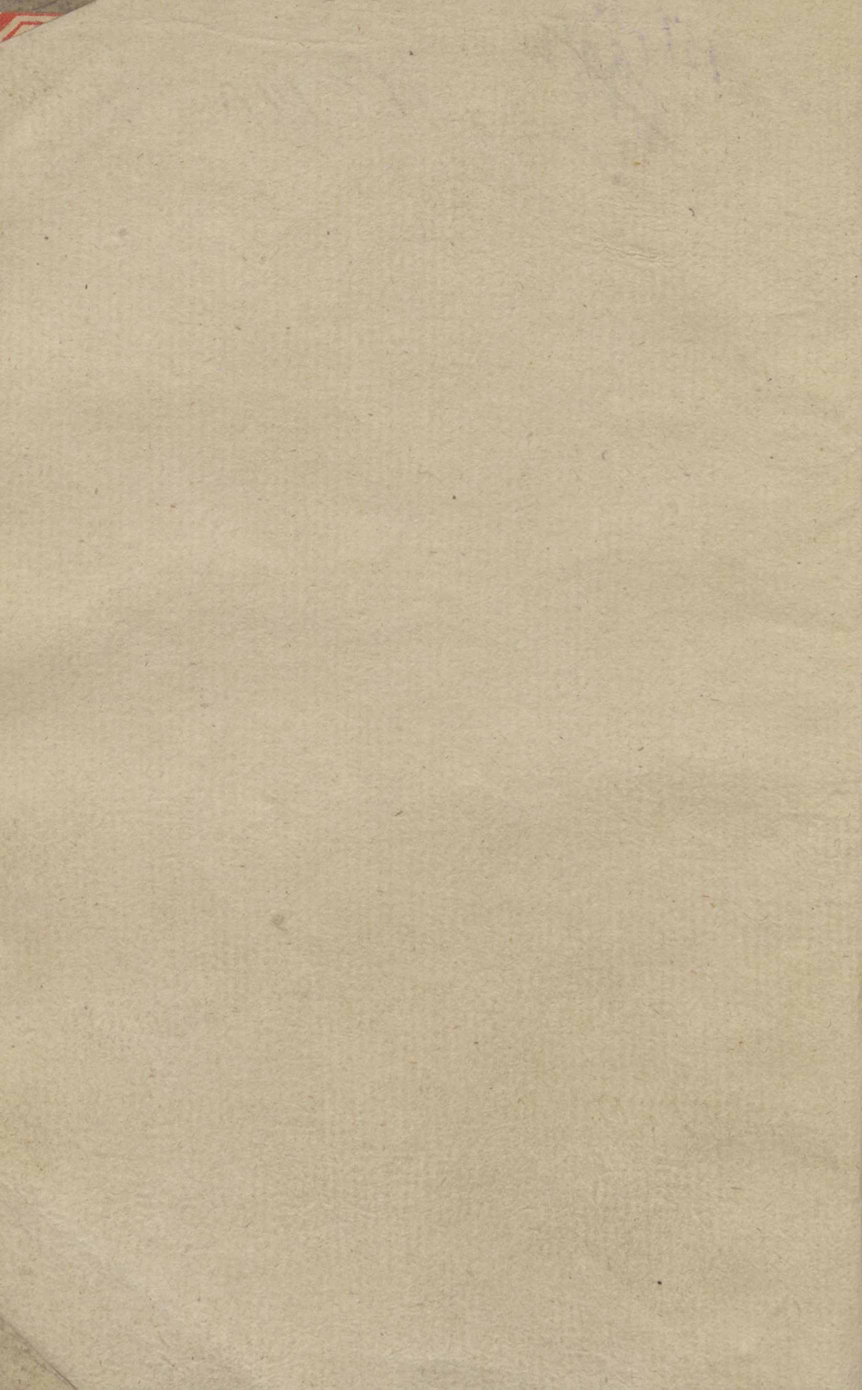
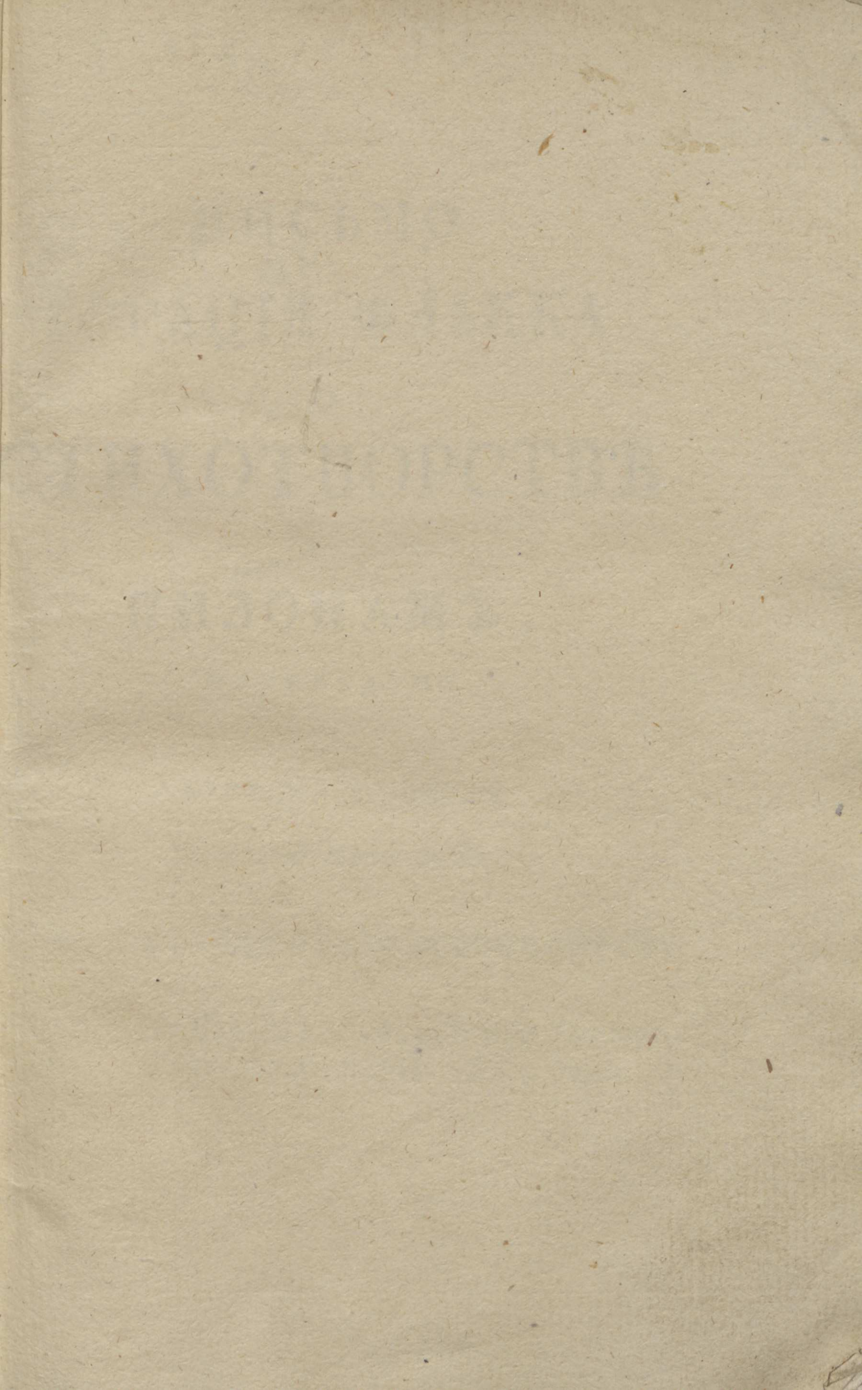

1.467
XXIV 38

138
654

N 1467 ч. н.

~~N 180~~

3138

18 146 2 29

pap/2

B.d.1351

T-153

XXIV-58

ПИСЬМО ГОРАЦІЯ ФЛАККА О СТИХОТВОРСТВѢ КЪ ПИЗОНАМЪ,

переведено

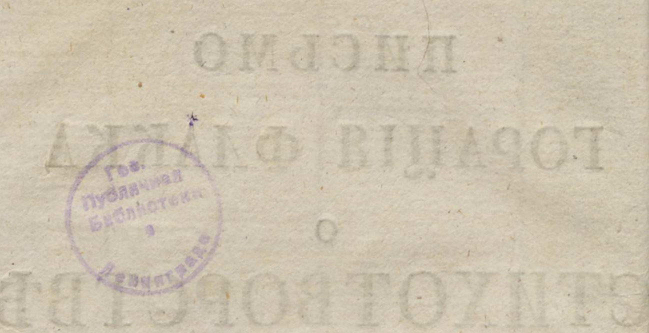
съ

латинскаго языка

Николаемъ Поповскимъ.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1753 года.

З книг

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Увидѣвъ женской ликъ на шеѣ лошадиной
Шерсть, перье, чешую на кожѣ въ другъ единой;
Что бы красавицей то чудо началось,
Но въ черной рыбей хвостъ въ низу оно сошлось:
Моглибъ ли вы тогда, Пизоны, удержаться,
Чтобъ мастеру такой картины не смѣяться?
И увѣряю васъ, что гнусной сей уродъ
Во всемъ съ тѣмъ слогомъ схожъ, пустыхъ гдѣ мыслей зѣродъ
Какъ сонная мечта не вяжется ни мало,
Не сходно ни съ концомъ ниже съ собой начало.
Піитѣ, знаю я, и живописцу съ нимъ
Возможно вымысломъ представить все своимъ.
Сей вольности себѣ и отъ другихъ желаемъ,
И сами то другимъ охотно позволяемъ;
Но ей предѣлы въ томъ природою даны,
Чтобъ съ бурей не смѣшать любезной тишины,
Чтобъ Тигра не впрягать къ однѣмъ санямъ съ овцею.
И не сажать скворца въ тужъ клѣтку со змѣею.
Начавши что нибудь великое писать,
И важности хотя стихамъ своимъ придать,
Мы часто въ оныхъ храмъ Діанинъ представляемъ,
Иль Рена быстроту и шумъ изображаемъ,
Иль радугу съ дождемъ и нѣжные луга,
Гдѣ шумомъ сладкой сонъ наводятъ берега.

Но здѣсь о семъ писать прикрасы нѣтъ нималой,
Какъ на кафтанѣ быть заплатѣ цвѣтомъ алой!
Пускай ты дерево такъ можешь начертать,
Что съ подлиннымъ его отнюдъ не распознать.
Но есть ли описать далъ слово въ договорѣ,
Какъ борется съ волной пловецъ разбитой въ морѣ,
То дереву стоять пристанетъ ли при семъ?
Почто начавъ съ орла, кончаешь воробьемъ?
О чемъ кто сталъ писать, того ужъ и держися,
И въ постороннее безъ нужды не вяжися.
Какъ ни стараемся мы свой украсить слогъ,
Но рѣдкой изо всѣхъ въ томъ похвалиться могъ.
И многихъ лѣтъ умы живой тому свидѣтель,
Что часто ставимъ мы порокъ за добродѣтель.
Одинъ за краткостью весь замыслъ свой темнитъ,
Другой для чистоты неживо говоритъ,
Кто любитъ высоту, тотъ пышенъ чрезвычайно,
Кто просто написалъ, тотъ подлъ и низокъ крайно
Кто тщался скрасить слогъ свой разностью вещей,
Дельфиновъ тотъ въ лѣсахъ, въ водѣ искалъ Вепрей.
Порока избѣжавъ, въ другой порокъ впадаетъ,
Когда кто, лучшаго не зная, выбираетъ.
Хоть порознь волосы, и жилы всѣ въ рукѣ
Емилїй вырѣзать на мѣдной знаетъ дскѣ,
Однако тѣмъ его искусство все презрѣнно,
Что здѣлать цѣлаго не можетъ совершенно,
И есть ли такъ, какъ онъ, желаетъ кто успѣть,
Тотъ хочетъ быть пригожъ, лишь носъ кривой имѣ
Всякъ долженъ напередъ свой разумъ самъ измѣрить;
И буде можетъ онъ себя удостовѣрить,
Что предпрїятой трудъ его не отягчитъ,
То стройно и красно онъ слогъ свой совершитъ.

Коль хочешь написать порядочно и стройно,
То все располагай, гдѣ быть чему пристойно,
И прежде не пиши, что должно назади,
Ни задняго опять не ставь напереди,
Теперь то говори, о чемъ прилично нынѣ,
Откладывай въ передъ, что должно въ серединѣ.
Не меньше же и въ томъ опасну должно быть,
Чтобъ смысла новыми словами не затмить,
То есть ли свяжешъ ихъ съ другими такъ разсудно,
Что силу ихъ узнать читателю нетрудно,
Иль нужда позоветъ, дать новое со всѣмъ
Названїе вещамъ незнаемымъ никѣмъ;
Въ сихъ случаяхъ отъ всѣхъ позволено ввесть слово,
Хоть было бы оно неслыханно и ново.
Пороку также нѣтъ, у Грековъ (*) слово взять,
И мало премѣнивъ въ число своихъ принять.
Коль съ Плавтомъ за сїе у насъ почтенъ Цецилїй,
Почтожъ бы имъ не смѣлъ послѣдовать Виргилїй?
И кто бы ввесть одно мнѣ слово запретилъ,
Коль стами нашъ языкъ Катонъ обогатилъ.
Какъ наши прадѣды сносили терпѣливно,
Такъ никому и впредь не будетъ то противно,
Что новую кто рѣчь въ стихахъ употребитъ,
Которую народъ давно уже твердитъ.
Какъ листъ на деревахъ по всяку осень вянетъ,
Такъ честь старинныхъ словъ со временемъ престанетъ.
На мѣсто ихъ опять другїе возрастутъ,
И нашъ недологъ вѣкъ, и съ нами всѣ умрутъ.
Завянутъ на конецъ и нивы плодородны,
Изсохнутъ и моря оставивъ путь безводный,

(*) Въ языкъ Латинской, на которомъ сїе письмо сочинено.

Падутъ труды людей, и многихъ потъ вѣковъ,
Такъ можноль вѣкъ стоять цѣнѣ однихъ лишь словъ?
Иныя послѣ насъ вездѣ возобновятся,
Что въ наши времена и слышать всѣ стыдятся,
Иныя напротивъ народу будутъ смѣхъ,
Которыя теперь въ почтенiи у всѣхъ.
Слова подверженны одной народной власти,
Которой по своей располагая страсти,
Одни прiемлетъ въ рѣчь, другiя гонитъ вонъ,
Употребленiе считая за законъ.
Какимъ стихомъ писать дѣла особъ державныхъ,
Побѣды и войны Героевъ въ свѣтѣ славныхъ,
Изрядной показалъ намъ всѣмъ тому примѣръ,
Источникъ и отецъ Поэзiи Гомеръ.
Елегiя сперва хоть найдена къ печали
Но тужъ и въ радости потомъ употребляли;
Кто первой вымыслилъ Елегiи писать
По нынѣ Критики не могутъ изыскать.
На недруговъ своихъ какъ Архилохъ озлился,
То Ямбомъ первой онъ на нихъ вооружился,
Потомъ комедiантъ имъ зрителей смѣшилъ,
Въ трагедiяхъ Герой съ любезной говорилъ,
За тѣмъ что и простой онъ рѣчи весь подобенъ,
И слогомъ (*) важнѣе, и къ дѣйствiямъ способенъ.
Но Лира (**) на себя ту должность приняла,
Чтобъ ей хвалить боговъ и храбрыя дѣла,
Описывать въ пиру прiятелей бесѣды,
И сильнаго борца похвальныя побѣды,

Ка

(*) Ямбъ у Древнихъ Грековъ и Римлянъ имѣлъ друго свойство нежели нашъ.

(**) Здѣсь Горацiй разумѣетъ оду общимъименемъ пѣсни торжественную и простую пѣсню.

Какъ конь другихъ въ бѣгу далеко перегналъ;
И щоголь молодой влюбившись воздыхалъ.
Сей разности въ стихахъ и свойствѣ когда не знаю,
Почто между Пїитъ и мѣсто занимаю?
И для чего хочу вѣкъ лучше глупымъ быть,
Какъ нежели учась незнанїе открыть?
Комедїя къ стихамъ высокимъ непривычна,
Въ ней только простота и шутка лишь прилична.
Когдажъ въ трагедїи представишь, что Тїестъ
Родныхъ своихъ дѣтей не вѣдаючи ѣстъ;
То низкїя слова и шутки не пристали,
И комической смѣхъ не вмѣстенъ въ сей печали.
Вещь всякая должна свои предѣлы знать,
И никогда отнюдь чужихъ не занимать.
Но и въ комедїи не рѣдко слогъ гордится,
Какъ Хремесъ на слугу, примѣтивъ ложь, ярится.
И Трагикъ позабывъ всю пышность съ высотой
Въ печальныхъ случаяхъ духъ опускаетъ свой.
Такъ Телефъ и Пелей стѣсненъ нещастьемъ злоснымъ,
Пребѣдной нищетой изгнанїемъ поноснымъ,
Оставятъ съ громкостью подобной бурѣ стихъ,
Коль побудить хотятъ къ жалѣнїю другихъ.
Красенъ быть долженъ стихъ, но сладостнѣе вдвое,
Чтобъ могъ сердца склонять на то и на другое.
Сей общее всѣмъ законъ дала природа намъ,
Чтобъ соотвѣтствовать всегда другихъ страстямъ;
Коль радостенъ другой, и мы съ нимъ веселимся,
На слёзы зря другихъ, отъ жалости мутимся,
Такъ прежде долженъ ты самъ слёзы испустить
Коль хочешь къ жалости своей меня склонить.
Когда же дѣйствїе представишь мнѣ не живо,
То буду я смѣясь смотрѣть на то лѣниво.

Александр

Въ прискорбности имѣй печальны и слова,
Во гнѣвѣ весь пылай, и будь лютѣе льва,
Шутливой видъ нося, забавенъ будь какъ можно,
А важенъ будучи, разсуденъ осторожно.
Чтобъ прежде внутренни премѣны были въ насъ
Согласны съ внѣшними, велитъ натуры гласъ.
Чтобъ въ радости имѣть лице и мысль спокойну,
Въ бѣдѣ потупленны глаза и скорбь пристойну,
Потомъ тоску свою словами изъявлять,
И тяжесть горести съ другими раздѣлять.
Когда признаютъ слогъ съ персоною несходнымъ,
То будетъ онъ смѣшонъ простымъ и благороднымъ.
И для того смотри, слуга иль господинъ,
Старикъ иль молодой представленъ дворянинъ,
Чесная женщина или раба презрѣнна,
Купцова рѣчь должна быть отъ селянъ отмѣнна.
Отечество притомъ персоны разсуждай,
И всякому свое народу свойство дай.
Быль точно такъ пиши, какъ говорятъ въ народѣ,
А вымыслъ чтобъ во всемъ отвѣтствовалъ природѣ.
Намѣренъ описать мнѣ Ахиллесовъ жаръ,
Представь, что онъ свирѣпъ, несклоненъ, грозенъ, яръ,
Не хочетъ подлежать закону никакому,
Все право отдаетъ воинскому лишь грому.
Медея будь въ любви и въ гнѣвѣ жестока,
Іона горестна, Инона всѣмъ жалка.
Иксіонъ въ вымыслахъ и дружествѣ коваренъ,
Орестъ къ родителямъ своимъ неблагодаренъ.
Но естьли новое что хочешь описать,
Иль небывалую персону представлять;
Смотри, чтобъ каковы ей нравы дать съ начала,
И до конца она тѣхъ не перемѣняла.

Весьма

Весьма тяжелой трудъ, такъ новой скрасить слогъ,
Чтобъ въ ономъ получить верхъ похвалы кто могъ.
Скоряй трагедїю изъ старой и готовой
Матерїи сложить, какъ нежели изъ новой.
Хотя другому въ чемъ ты будешь подражать.
Однако за твое всякъ станетъ почитать,
Когда во всемъ его не будешь ты держаться,
И чтобъ ни на пядень не отступить, стараться;
Но вольность въ разумѣ своемъ употребишь,
Одно отбросишь прочь, другое отмѣнишь.
И слѣдуя за нимъ его стезями точно,
Не зайдешь въ тѣсноту такую не нарочно,
Чтобъ отступить назадъ иль стыдъ не попускалъ,
Или всѣхъ общїй дѣлъ законъ не дозволялъ.
Не слѣдуй легкаго писателя примѣру,
По рынку что бродя хвалился черезъ мѣру:
Брань страшну опишу, Героевъ горку часть,
Паденье сильныхъ войскъ, Прїамову напасть.
Всякъ думалъ про него, что штиля красотою
Оставитъ всѣхъ творцовъ далеко за собою;
Но онъ какъ дряхлой конь, версты не пробѣжалъ,
Ужь бѣгомъ утомленъ затрясся и упалъ.
Щастливѣе Гомеръ, что въ простотѣ пристойной
Великой началъ трудъ и похвалы достойной:
Скажи, о муза, мнѣ о славномъ мужѣ томъ,
Что въ пепелъ обративъ Прїамовъ гордой домъ,
Извѣдалъ на пути народовъ нравы многихъ,
Повсюду странствуя Небесъ велѣньемъ строгихъ.
Не тмою хочетъ свѣтъ, но свѣтомъ тму скончать.
И большїя дѣла въ срединѣ описать;
Коль страшенъ Антифатъ и Сцилла въ безднѣ скрыта,
Ужасенъ Полифемъ, Харибда коль несыта.

Нача́ло повѣсти не издали ведетъ,
Но къ дѣлу самому поспѣшно онъ течетъ,
И къ знанію конца охоту возбуждаетъ,
Когдажь не чаетъ въ чемъ успѣха, оставляетъ.
Такъ вяжетъ вымыслы, мѣшаетъ съ правдой ложь,
Съ началомъ, чтобъ конецъ былъ и съ срединой схожъ.
Теперь я обявлю, то что и мнѣ угодно,
И купно всѣ со мной похвалятъ всенародно.
Коль хочешь, чтобъ тобой доволенъ зритель былъ,
И не дождавъ конца домой не уходилъ,
То возрастъ и лѣта̀ и качества различны
Во всякомъ примѣчай, и нравы дай приличны.
Младенецъ, что ходить удобно можетъ самъ,
И твердо говорить, охотникъ будь къ играмъ,
Сердитъ изничего, но тотчасъ вдругъ беззлобенъ,
Непостоянному Зефиру тѣмъ подобенъ.
Когдаже дядкина гроза со всѣмъ минетъ,
И молодеческихъ ужѐ достигнетъ лѣтъ;
Охотникъ до коней, гоняться съ псами въ полѣ
За дикими звѣрьми, и по своей жить волѣ,
О пользѣ нерадивъ, къ порокамъ склоненъ, твердъ,
И къ увѣщателямъ своимъ жестокосердъ,
Раскошенъ, прихотливъ, вещей высокихъ чаетъ,
Чего сперва желалъ, то послѣ презираетъ.
Кто въ мужество пришелъ, и разумомъ сталъ здравъ,
Иныя склонности, иной имѣетъ нравъ;
Снискать богатства, честь и дружество надежно,
Печется, чтобъ прожить могъ вѣкъ свой безмятежно,
Не хочетъ ничего такого учинить,
О чемъ бы послѣ могъ раскаявшись тужить.
Но старость большее наводитъ беспокойство,
Богатства собирать, верховное въ ней свойство.

И ночь

И ночь и день старикъ все думаетъ про то,
Что бы не издержать полушки ни на что,
Слабъ въ дѣлѣ и нескоръ, пожить еще желаетъ,
Хотя ужъ смотритъ въ гробъ, но на вѣкъ запасаетъ,
Откладываетъ все въ передъ, и всѣхъ журитъ,
И что ни здѣлаешь, не такъ, онъ говоритъ,
Прошедши хвалитъ дни воспоминая дѣтство,
А настоящее считаетъ все за бѣдство.
Скучаетъ молодыхъ, не хвалитъ никово,
И хочетъ чтобы всякъ все дѣлалъ по ево.
По тѣхъ поръ свѣтъ намъ милъ, пока еще мы въ силѣ,
Постыло будетъ все, чемъ ближе кто къ могилѣ!
По дѣтски старика играть не заставляй,
И юношескихъ свойствъ мужамъ не придавай.
Въ пристойныхъ званїяхъ всякъ долженъ обращаться,
И смотря по лѣтамъ въ чужїя не вступаться.
Иное явно всѣмъ, обычай, представлять,
Иноежъ краткими словами объявлять.
Хоть меньше чувствуемъ, что здѣлалось заочно,
Какъ то, что сами мы глазами видимъ точно;
Но есть ли дѣйствїя такой случится родъ,
Отъ коеговъ глаза весь отвратилъ народъ,
То лучше не казать позорища такова,
Сказавъ, что въ тай збылось, не повторяя снова.
Когда Медею я въ крови своихъ дѣтей
Увижу, либо что въ котлѣ варитъ Атрей
Племянниковъ своихъ младенческїе члены,
Иль Кадма съ Прогною плачевныя премѣны,
Что Прогна въ птицу, Кадмъ въ скорпїю превращенъ,
Не вѣря буду я отъ ужаса смущенъ.
Пять дѣйствїй содержать слогъ долженъ непремѣнно,
Чтобъ всѣ въ немъ случаи представить совершенно.

Боговъ

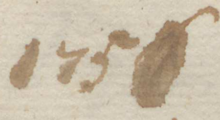
Купленъ

Боговъ не представляй безъ нужды никакихъ,
Коль можно разорвать всѣ трудности безъ нихъ.
Три должны говорить персоны межь собою,
Коль есть четвертая, то будь при нихъ нѣмою,
Хоръ только весь одну персону представляй,
И ничего среди явленїй не мѣшай,
Чтобъ было дѣйствїю прошедшему противно,
Но связь веди во всемъ къ концу безперерывно;
Все званїе его въ томъ состоитъ одномъ,
Желать тому добра, нѣтъ гордой злобы въ комъ,
Друзьямъ давать совѣтъ, мягчить гнѣвъ раздраженныхъ,
И крѣпко защищать невинно огорченныхъ,
Воздержность похвалять, законъ и правоту,
И миръ вселенныя едину красоту,
И тайны сохранять, молить боговъ всемощныхъ,
Чтобъ гордыхъ свергнули, возвысивъ непорочныхъ.
Свирѣль сперва не такъ какъ въ наши времена
Похожа на трубу и мѣдью скрѣплена,
Но тонкая была, изъ малыхъ состояла
Нарочныхъ дырочекъ, чтобъ хору припѣвала.
Хоть было зрителей немного тамъ числомъ,
Но правду всѣ блюли въ незлобїи святомъ,
Когдажъ народъ свой простеръ побѣды далѣ,
И градъ распространилъ, что тѣсенъ былъ въ началѣ,
Спокойствомъ пользуясь сталъ въ роскоши впадать,
И праздничные дни въ пирахъ препровождать;
Съ тѣхъ поръ и бо́льшая краса въ стихи вступила,
И прежней грубой звукъ музыка отмѣнила.
Незнающей народъ и праздной отъ труда,
Не могъ не похвалить сей вольности тогда,
Взирая, что сїе судьямъ, дворянамъ знатнымъ
Достойнымъ зрѣнїя казалось и прїятнымъ.

Тогда

Тогда и Музыкантъ, что толко зналъ играть,
Въ богатомъ платьѣ сталъ подъ флейтой танцовать,
И умноженьемъ струнъ звукъ Арфы увеличенъ,
И смысла быстротой введенъ слогъ необыченъ,
Что предсказанїемъ и пользой важныхъ дѣлъ,
Съ отвѣтомъ Божескимъ подобїе имѣлъ.
Трагедїю творецъ публично представляя,
Нимало важности ея не умаляя,
Шутливымъ Сатиромъ межь дѣйствїй выбѣгалъ
И важность прежнюю съ забавою мѣшалъ,
Чтобъ по отданїи богамъ хвалы довольной
Упившейся виномъ народъ и своевольной,
Прїятной новостью еще увеселить,
И за труды козла въ награду получить.
Я Сатиру шутить охотно позволяю,
Лишь только въ томъ ему предѣлы полагаю,
Чтобъ, есть ли въ прежнихъ онъ былъ дѣйствїяхъ Герой,
Иль Божей видъ носилъ въ порфирѣ золотой,
Не сбился наконецъ на подлой слогъ и гнусной,
Которымъ говоритъ сапожникъ не искусной,
Иль низкихъ бѣгая и всенародныхъ словъ,
Не взнесся пышностью пустой до облаковъ.
Какъ пляшетъ въ праздничны дни женщина честная,
Ни важности своей ни чести не теряя,
Такъ между Сатировъ трагедїя должна
Учтива быть въ словахъ прїятна и важна.
Когда бы въ Сатирахъ хотѣлъ я обращаться,
То подлыхъ сталъ бы словъ и гнусныхъ опасаться,
Ниже отъ Трагика такъ былъ бы отмѣнитъ,
Что бы не разсуждать о томъ, кто говоритъ?
Служанка подлая, и рабъ подъ видомъ вѣрной,
Что въ всѣ въ долги господъ услугой лицемѣрной?

Илъ

Иль важное лице, каковъ былъ тотъ Силенъ,
Которымъ Бахусъ самъ изъ дѣтства наученъ.
Знакомую всѣмъ вещь такъ вымысломъ устрою,
Что будутъ разсуждать другіе межъ собою:
Мы сами равнаго моглибъ успѣха ждать,
Когда бы время въ томъ хотѣли потерять;
Но дѣломъ испытавъ всякъ многобъ пролилъ пота,
И тщетнобъ наконецъ пропала вся работа.
Толь много отъ того зависитъ слога честь,
Чтобъ вѣдать, какъ въ честной порядокъ рѣчь привесть!
Въ лѣсу рожденный Фавнъ и взросшій межъ горами,
Не долженъ нѣжиться такъ мягкими словами,
Какъ будто бы онъ былъ воспитанъ межъ людьми;
Но напротивъ того и острыми рѣчьми
Не наноситъ другимъ безчестья и досады,
Не можетъ за сіе ждать лучшей онъ награды,
Какъ только зрителей лишь къ гнѣву побудитъ,
Хвалы ни отъ кого за то не получитъ.
Стопа, что Ямбъ слыветъ, два слога заключаетъ,
Начавшись съ краткаго протяжнымъ бѣгъ кончаетъ.
Для скораго въ стопахъ теченія сей стихъ
Тримѣрнымъ стали звать, хоть шесть въ немъ ровно ихъ
Которыя сперва всѣ одинаки были,
Но послѣ и Спондей межъ ихъ творцы вмѣстили,
Чтобъ онъ протяжностью своею всякой слогъ
Тѣмъ лучше важнѣйшимъ представить слуху могъ;
Вторая лишь стопа съ четвертой презираютъ,
И мѣста своего ему не уступаютъ.
Хоть Антія всего и Еннія прочтешь,
Спондеевъ въ сихъ мѣстахъ немного ты найдешь.
Мѣшаться съ Ямбами въ Трагедіяхъ Спондею,
Какъ хочетъ кто другой, позволить я не смѣю:

Всякъ

Всякъ будетъ мнить, что ты иль тщаться не хотѣлъ,
И наскоро слагалъ, иль лучше не умѣлъ.
Неправильность въ стихахъ невсякой видитъ ясно,
И многіе изъ нихъ похвалены напрасно;
Но долженъ ли же я всегда въ надеждѣ той
Писать, какъ хочется, по волѣ все слѣпой?
Нѣтъ, должно разсуждать, что будутъ всѣ пороки
Усмотрѣны во мнѣ, и примутъ судъ жестокій.
И хоть бы зналъ, что мнѣ простятъ мою вину,
Однакъ не допускать, чтобъ быть обличену.
Но и сіе хотя я наблюдалъ бы строго,
Хулыбъ лишь избѣжалъ, хвалы снискалъ немного.
Вы Греческихъ Піитъ читайте всякой часъ,
Коль съ Пиндаромъ взлетѣть хотите на Парнассъ.
Что наши прадѣды хвалили въ Плавтѣ шутки,
И слушали его стихи чрезъ цѣлы сутки,
Я не отважусь въ томъ ихъ глупыми назвать,
Но меньше должно бы имъ Плавту въ томъ ласкать,
Какъ есть ли самъ себѣ я въ томъ повѣрить смѣю,
Что шутку распознать отъ грубости умѣю,
И чувствовать могу, или по пальцамъ счесть,
Гдѣ лишняя стопа въ стихѣ, гдѣ ровно шесть.
Коль можно вѣрить въ томъ другимъ, изобрѣтатель
Трагедій Теспись былъ, и первѣйшій писатель;
Которой и сіе обыкновенье ввелъ,
Чтобъ ѣздя игроки на роспускахъ въ кругъ селъ,
И вымаравъ лице въ дрождяхъ стихи читали,
И людямъ дѣйствія различны представляли.
Но Ешилъ наконецъ Театръ постановилъ,
И маскою лице отъ зрителей закрылъ,
Въ одежду долгую и сапоги высоки
Убравшись, въ разговоръ ввелъ замыслы глубоки.

Потомъ

Потомъ комедія старинна найдена,
И многой похвалой сперва ободрена;
Но вольность укоризнъ несносна стала многимъ,
И выданъ былъ указъ подъ запрещеньемъ строгимъ;
Съ тѣхъ поръ въ комедіяхъ хоръ вѣчно замолчалъ,
И больше зрителямъ уже не досаждалъ.
Піиты Римскіе о всемъ почти писали,
И много въ томъ себѣ почтенія снискали,
Которы Греческихъ оставивъ слѣды дѣлъ,
Осмѣлились писать, какъ городъ Римъ процвѣлъ,
Или дѣла особъ великихъ по природѣ,
Иль то, что лишь въ простомъ примѣтили народѣ.
И многобъ славнѣе во всей вселенной Римъ
Былъ слога красотой, какъ мужествомъ своимъ,
Когда бы скучная поправка не мѣшала,
И медлѣнность труда Піитъ не отвращала.
Лишенъ хвалы тотъ стихъ, что съ потомъ и трудомъ
Не выправленъ сто разъ притупленнымъ перомъ.
Демокритъ правило и трудъ зоветъ безплоднымъ,
Когда неодаренъ кто разумомъ природнымъ.
И что какъ восхищенъ восторгомъ долженъ быть,
Кто къ Стихотворчеству желаетъ приступить.
Для сихъ причинъ изъ насъ иной пренебрегаетъ
Всю внѣшню чистоту, ногтей не обстригаетъ,
Не брѣетъ бороды, дичится отъ людей,
И бань не знаетъ вѣкъ, въ грязи хоть до ушей,
Онъ будто прослыветъ Піитою великимъ,
Что звѣремъ здѣлавшись изъ человѣка дикимъ,
Густую бороду до самыхъ пуститъ пятъ,
Самъ будучи козла глупяе въ десять кратъ.
О какъ я своего самъ щастія не знаю,
Что желчь по всякой годъ лѣкарствомъ выгоняю,

Черезъ

Через которую въ безумье я бы впалъ,
И тѣмъ бы лучше всѣхъ стихи свои слагалъ.
Но коль достоинъ я былъ всякаго бы смѣху,
Когдабъ въ однихъ стихахъ желая лишь успѣху,
Нарочно для того хотѣлъ съ ума сойти,
И самовольно жизнь въ опасность привести?
Коль правда то, то пусть я брусу въ томъ подобенъ,
Желѣзо что остритъ, самъ рѣзать не способенъ;
И ничего хотя писать не буду самъ,
Но правила другимъ полезныя предамъ,
И тѣ способности и средствія открою,
Какъ знаніе снискать въ Поэзіи съ хвалою,
Что къ стати въ ней, что нѣтъ; коль нужно наблюдать,
Чтобъ правила хранить, пороковъ убѣгать.
Чтобъ основательно кто могъ писать и право,
То должно разсуждать о всякой вещи здраво.
Матерію о всемъ у Сократа найдешь,
Къ матеріи слова нетрудно приберешь.
Кто знаетъ должности сродствомъ къ соединеннымъ,
Къ отечеству, къ друзьямъ, къ пришельцамъ отдаленнымъ,
И знаніе вождя, министра и судьи,
Тотъ нравы всякому умѣетъ дать свои.
Смотря на житіе и нравы всѣхъ различны,
Піита вымышляй слова къ тому приличны,
Случалось и сіе, я помню, много разъ,
Что слогъ безъ замысловъ простой и безъ прикрасъ,
Но только общими размноженной мѣстами,
И нравы точными изобразивъ словами
Могъ больше усладить всего народа умъ,
Пустая какъ краса, и пщетной только шумъ.
Одной желающимъ лишь только грекамъ славы,
И красной муза слогъ дала и разумъ здравый.

)( )(Но

Но Римски юноши надъ тѣмъ сидятъ одним,
Изъ гроша по чему дать должно пятерымъ.
И есть ли кто изъ нихъ отвѣтъ дастъ сей загадкѣ,
Что вычетши изъ двухъ одну одна въ остаткѣ,
Или что будетъ пять, коль три съ двумя сложить,
Всякъ скажетъ, есть въ немъ путь, умѣетъ домомъ жить.
Но буде ржа сія однажды въ насъ вселится,
И въ мысли лакомство несыто вкоренится,
То можноль намъ того успѣха ожидать,
Чтобъ вѣчности стихи достойныя слагать.
Піиты научить иль усладить желаютъ,
Иль вмѣстѣ все сіе они соединяютъ.
Но должно правила коротко предлагать,
Чтобъ долѣ помнить ихъ и лучше переять.
Рѣчь плодовитая тотъ вредъ умамъ наводитъ,
Что мало походя изъ памяти выходитъ;
Забавной вымыселъ будь съ истинною схожъ,
Не жди чтобъ всякую почли за правду ложь.
Чтобъ отрокъ съѣденой былъ вынятъ живъ изъ чрева,
Какой дуракъ тебѣ повѣритъ въ томъ безъ гнѣва.
Полезной слогъ однимъ угоденъ старикамъ,
Младые склоннѣе къ забавнымъ лишь стихамъ;
Но обще будетъ всѣмъ сіе въ Піитѣ нравно,
Когда напишетъ онъ полезно и забавно;
Такой слогъ за море съ прибыткомъ продавцу
Развозятъ, и чинятъ честь вѣчную творцу.
Хотяжь погрѣшность въ немъ какая и случится,
Однако можетъ онъ не трудно извиниться.
Коль часто музыкантъ прошибшись зазвенѣлъ
Не въ ту, въ которую струну сперва хотѣлъ,
И вмѣсто тонкаго съ густаго началъ звука,
Охотникъ не всегда умѣтилъ въ цѣль изъ лука.

Когда я большу часть въ комъ добраго сыщу,
Охотно малыя погрѣшности прощу,
Которы написалъ или неосторожно,
Иль было избѣжать того отнюдь не можно.
Но есть ли усмотрю пороковъ больше въ немъ,
То будетъ Херилу подобенъ онъ со всѣмъ,
Въ которомъ мѣ́ста два за стройность похваляю,
За третье гнѣваюсь, смѣюсь, и охуждаю.
Писецъ, что десять разъ за опись осужденъ,
Коль въ томъ же погрѣшитъ, прощенья сталъ лишенъ,
И смѣха музыкантъ считается достойнымъ,
Что звукомъ всякому наскучилъ ужь нестройнымъ.
Хоть правда и Гомеръ самъ дремлетъ иногда,
Но въ немъ простительно для долгаго труда.
Стихи, какъ живопись, одна въ близи красива,
Другая изъ дали достойна мнится дива.
Одна лишь темноту, другая любитъ свѣтъ,
Котора похвалы себѣ на смотрѣ ждетъ;
Одна изъ нихъ сперва понравится однажды,
Другую предпочтетъ, когда ни взглянетъ, каждый.
Тебѣ я говорю, которой старшинствомъ
Межь братьями почтенъ, искусствомъ и умомъ:
Хоть ты и отъ отца ученъ, и самъ собою
Въ Поэзїи успѣлъ съ немалою хвалою,
Однакъ за лишнее того не почитай,
Что я тебѣ скажу, но помни и внимай:
Въ извѣстныхъ случаяхъ посредственность лишь сносна,
Въ другихъ противъ того безчестна и поносна.
Хоть стряпчей говоритъ не такъ красно въ судѣ,
Какъ Мессалъ, что за слогъ толь славится вездѣ;
Хотя Юриспрудентъ указовъ меньше знаетъ,
Какъ сколько на изусть Касселїй прочитаетъ;

Однакожъ хвалятъ ихъ обѣихъ и за то ,
И совершенства въ нихъ не требуетъ никто.
Пїита напротивъ не можетъ быть почтеннымъ ,
Когда со всѣхъ сторонъ не будетъ совершеннымъ.
Межь сладкихъ кушаньевъ отбрасываетъ всякъ
Неблаговонну масть , и съ горькимъ медомъ макъ ;
Гнушается сердясь нестройною музыкой ,
За тѣмъ , что не было тамъ нужды въ томъ великой.
Такъ и Пїитинъ слогъ рожденный для того ,
Чтобъ мысли услаждать прїятностью его ,
Хоть мало не дойдетъ , чтобъ первымъ почитаться ,
То будетъ принужденъ въ послѣднихъ онъ остаться.
Коль упражненїй кто не знаетъ полевыхъ ,
Тотъ не примается въ посмѣхъ другимъ за нихъ ;
Кто кубаремъ , мячемъ , кружкомъ играть не знаетъ ,
Тотъ въ оныя отнюдь забавы не вступаетъ ,
Чтобъ за дурачество народъ не осмѣялъ ,
Что тѣмъ не знаючи похвастовать желалъ.
Одни писать стихи никто лишь не стыдится ,
Хотябъ Поэзїи онъ съ роду не учился.
Резонъ ? я дворянинъ , свободной человѣкъ ,
Богатъ съ излишествомъ , и честно прожилъ вѣкъ.
Но ты , что одаренъ разсудкомъ благороднымъ ,
Не силься вопреки способностямъ природнымъ !
Извѣдать хочешь силъ своихъ въ стихахъ , сложи ,
Но прежде Метїю иль мнѣ ихъ покажи ,
И долго не давай въ народѣ ихъ разславить ,
Чтобъ можно было тѣмъ свободнѣе исправить.
А есть ли какъ нибудь ихъ выпустишь на свѣтъ ,
То поздо вскаешься , словамъ возврату нѣтъ.
Стихами отвратилъ народъ отъ звѣрства дикїй
И страшныхъ межь собой убїйствъ Орфей великїй.

И отъ

И отъ сего прошла басня, будто усмирилъ
Онъ неприступныхъ львовъ, и Тигровъ укротилъ;
И будто Амфіонъ, что Ѳебы градъ построилъ,
Какъ нѣжнымъ голосомъ пріятность струнъ удвоилъ,
Мягчилъ и приводилъ въ движенье горъ сердца̂,
И велъ куда хотѣлъ послушныхъ до конца.
Такъ древность грубую и дикую съ нача́ла,
Піитъ отмѣнная премудрость научала,
Какъ собственную вещь отъ общей раздѣлить,
Священну отъ мирской почтеньемъ отмѣнить,
Указомъ запретить смѣшенье беззаконно,
Невѣжество козлу что прежде было склонно,
Закономъ обуздать, построить города̂,
Супруговъ удержать въ союзѣ отъ блуда.
Сія была тому причина несумнѣнно,
Что имя здѣлалось Піитъ у всѣхъ почтенно.
Пото́мъ насталъ Гомеръ, и славной тотъ Тиртей,
Стихами что ражжетъ на брань сердца̂ мужей.
Стихами и судьбу опослѣ провѣщали,
И пра́вила, какъ жить, другимъ преподавали,
Стихами милости искали у другихъ,
И йгры найдены, чтобъ былъ трудамъ отдыхъ.
Сіе я для того чиню тебѣ извѣстно,
Чтобъ не почелъ ты быть Піитою безчестно.
Природѣль долженъ даръ Піита приписать,
Иль можно всякому трудомъ его сыскать,
Давно ужъ идетъ споръ: я мню что и природна
Способность безъ труда, и склонность вся безплодна,
Когда природа съ ней не соединена,
Не можетъ безъ другой особь стоять одна.
Кто хочетъ побѣждать въ бѣгу другихъ съ хвалою,
Тотъ сласти попиралъ въ младенчествѣ ногою,

Изъ дѣтска привыкалъ къ морозу и жарамъ,
И тѣло предавалъ несноснѣйшимъ трудамъ.
Кто въ честь Аполлона играетъ въ флейту нѣжно,
Учился прежде тотъ у мастера прилѣжно.
Здѣсь я скончаю рѣчь. Себя всякъ хвалитъ самъ;
Натура родила меня къ однимъ стихамъ;
Кто хуже всѣхъ изъ насъ стихи свои слагаетъ,
За глупость тотъ пускай съ коросты пропадаетъ,
Я передъ прочими послѣднимъ быть стыжусь,
Не смыслю ничего, однакъ не признаюсь.
Какъ вѣстникъ кличетъ всѣхъ, чтобъ распродать товары,
Богатой такъ льстецамъ сулитъ Піита дары;
Но можетъ ли льстеца отъ друга распознать,
Кто силенъ на судѣ другова защищать;
За скуднаго въ долгахъ великихъ поручиться,
Держать богатой столъ, и съ знатными водиться.
Но ты хоть отъ другихъ подарокъ получишь,
Или самъ что нибудь другому посулишь;
То не кажи стиховъ своихъ надеждѣ жадной,
И вѣдай напередъ, что скажетъ, ахъ изрядно:
Онъ съ дива изумленъ явится какъ нѣмой
Заплачетъ съ радости, ударитъ въ полъ ногой.
Какъ тѣ, что нанялись до самыя могилы
По мертвомъ изо всей рыдать и рваться силы,
Гораздо съ большею надсадою кричатъ,
Какъ нежель мать его, сестра, отецъ и братъ
Такъ и насмѣшники все больше похваляютъ,
Какъ кои искренно изряднымъ называютъ.
Я слышалъ, что Цари нарочно тѣхъ поятъ
До пьяна, дружество извѣдать въ комъ хотятъ.
Примѣромъ наученъ и самъ ты опасайся,
Хвалителямъ стиховъ въ посмѣхъ не отдавайся.

Квинтилiй, есть ли что читали передъ нимъ,
Вотъ то и то поправь, говаривалъ онъ имъ;
И буде скажетъ кто; я десять разъ примался,
Но лучше не возмогъ, и трудъ мой такъ остался
Тогда совѣтовалъ то во все замарать.
Иль передѣлать вновь, иное выправлять.
Когдажъ заспоритъ кто, что нѣтъ нигдѣ худова
Нѣтъ нужды никакой переправлять ихъ снова;
Въ покоѣ оставлялъ не тратя словъ своихъ,
Льститъ самому себѣ безъ зависти другихъ.
Разумной человѣкъ стиховъ худыхъ не сноситъ,
Гдѣ грубо, обьявитъ, худое прочь отброситъ,
Прикрасы лишнiя прикажетъ онъ отнять,
И темныя мѣста яснѣе написать,
Замѣтитъ тѣ слова, гдѣ можно усумниться,
Гдѣ должно выправить, сказать не полѣнится,
И будетъ Аристархъ; не скажетъ, умолчу,
Я друга въ мѣлочи озлобить не хочу.
А бутто мѣлочь то, чтобъ похвалой притворной
Въ стыдъ послѣ привести и смѣхъ у всѣхъ позорной!
Всякъ, въ комъ есть здравой смыслъ, тотъ отъ худыхъ Пiитъ
Еще за десять верстъ увидѣвши бѣжитъ;
Такъ, какъ отъ бѣшеныхъ, или отъ прокаженныхъ,
Или опасною болѣзнью зараженныхъ,
Одни лишь отроки, несмысля, что есть вредъ,
По стогнамъ гонятся за ними грудой въ слѣдъ.
Такой стиховъ Творецъ вверьхъ упершись глазами,
И смѣха полными рыгаючи стихами,
Когда, какъ птицеловъ, что птицъ слѣды блюдетъ,
Засмотрится, и самъ въ колодезь упадетъ;
Никто не сжалится, чтобъ вытащить изъ пасти,
Осипнетъ хоть крича, спасите отъ напасти.

Когдажь бы кто ни будь услышавъ жалкой стонъ
Канатъ къ нему хотѣлъ спустить, и вынять вонъ,
Тобъ я его спросилъ: Но знаешь ли ты точно;
Что онъ безъ умыслу упалъ и ненарочно?
Потомъ бы объявилъ Эмпедокловъ конецъ,
Которой былъ стиховъ въ Сициліи творецъ;
Желая межь людьми прослыть безсмертнымъ богомъ,
Самъ въ Этну волею скочилъ въ безумьѣ многомъ.
Такъ не мѣшай ему, коль хочетъ, пропадать,
Неволею спасать, есть тожъ, что убивать.
Онъ случая искалъ такова многократно,
Хотя бы кто его и вынялъ вонъ обратно,
То человѣкомъ онъ не будетъ ужь опять,
Но станетъ съ изнова погибели искать.
Не вѣдомо за что толь тяжко онъ страдаетъ,
Что о стихахъ и днемъ и ночью помышляетъ;
Отеческой ли тробъ и пепелъ осквернилъ,
Иль будучи не чистъ по тѣмъ мѣстамъ ходилъ,
Что были громовымъ поражены ударомъ,
И къ коимъ молнія своимъ коснулась жаромъ.
Извѣстно только то, что какъ свирѣпой звѣрь,
Которой выломилъ запоры вонъ и дверь,
Такъ страшенъ для стиховъ и онъ людскому взору,
И заднихъ и встрѣшныхъ всѣхъ гонитъ безъ разбору;
Но есть ли гдѣ кого догнавши улучитъ,
Читая цѣлой день нещастнаго моритъ,
И мучитъ до того въ бездѣльномъ самомъ дѣлѣ,
Пока отъ скуки въ немъ чуть духъ останетъ въ тѣлѣ.

ОДЫ

CARMINVM L. 1. OD. 22.

integer vitæ.

Кто правдой въ свѣтѣ жить радѣетъ,
Въ худыхъ невиноватъ дѣлахъ,
Тотъ въ лукѣ нужды не имѣетъ
Къ своей защитѣ, ни въ стрѣлахъ
Смертельнымъ ядомъ напоенныхъ,
Что мечетъ Мавръ въ поляхъ полденныхъ.

* *
*

Хоть былъ бы онъ въ мѣстахъ опасныхъ
Отъ волнъ, отъ жара и звѣрей;
Хотябъ на Кавказѣ, гдѣ ясныхъ
Нѣтъ дней весеннихъ ни людей;
Иль гдѣ текутъ Гидаспски воды,
Взнесенны басньми въ прежни годы.

* *
*

Въ лѣсу Савинскомъ разъ гуляя
Я о своей любезной пѣлъ,
И скучны мысли разгоняя
Черезъ предѣлы перешелъ;
Внезапно волкъ ко мнѣ съ размаху
Бѣжитъ, я обмеръ весь отъ страху.

Ни въ храброй Давнїи доселѣ
Не видано, чтобъ былъ таковъ,
Ни въ жаркомъ Юбиномъ предѣлѣ,
Раждающемъ свирѣпыхъ львовъ;
Узрѣвъ меня вспять обратился,
И безоружнаго страшился.

* * *

Поставь меня въ странахъ безплодныхъ
Гдѣ нѣтъ прїятныя весны,
Отъ бурь и вѣтровъ гдѣ холодныхъ
Поля, какъ камень скрѣплены,
Гдѣ мраки небо покрываютъ,
Лучи отнюдъ не досязаютъ.

* * *

Поставь меня подъ самымъ зноемъ,
Лучи гдѣ прямо въ землю бьютъ,
И гдѣ съ умѣреннымъ покоемъ
Жары жить людямъ не даютъ;
Но мнѣ и тамъ подастъ утѣхи
Любезной рѣчь и нѣжны смѣхи.

CARM. L. 2. OD. 20.

Non vsitata nec tenui ferar.

Не въ тихой и обыкновенной
На верьхъ я славѣ поднимусь;
Но въ громкой шумной и отмѣнной
Пророкъ двуличной вознесусь;
Превыше гордой злобы стану,
И смертнымъ скоро быть престану.

* *
*

Хоть я отцемъ рожденъ убогимъ,
Но вѣрь, Меценасъ, что мой духъ
Не будетъ въ гробѣ рокомъ строгимъ
Разсыпанъ съ слабымъ тѣломъ вдругъ:
И будетъ жить тотъ въ славѣ вѣчно,
Что въ жизни ты любилъ сердечно.

* *
*

Смотри какъ по всему морщины
Моихъ ущербъ являютъ силъ;
Я въ лебедя черезъ сѣдины
Свой сверьху видъ перемѣнилъ,
Кругомъ весь пухомъ обрастаю,
Чемъ рознюсь я отъ птицъ? не знаю.

Тепер

Теперь я полечу къ Понтійскимъ
Шумящимъ на востокъ брегамъ ,
И въ югъ оборочюсь къ Ливійскимъ
Скоряе Икара жарамъ ,
Коснусь и сѣвернаго края ,
Пріятны пѣсни воспѣвая,

* * *

Меня Колхидянинъ узнаетъ ,
И въ дальнихъ сторонахъ Гелонъ ,
И Дакъ , которой страхъ скрываетъ ,
Коль Марсовъ ни боится онъ ,
И Галламъ буду я извѣстенъ ,
И межъ Гишпанцовъ всюду честенъ.

* * *

Оставтежъ тщетные обряды ,
Во гробъ какъ трупъ положатъ мой :
Печали , вопли и досады
Считаю я за шумъ пустой :
Одно лишъ умретъ тѣло бренно
Но имя будетъ въ вѣкъ не тлѣнно.

CAR. L. 3. OD. 2.

Iustum et tenacem

Кто правдой жить на свѣтѣ тщится,
И постояннымъ быть привыкъ,
Тотъ грозъ, мятежей не боится,
Его ниже̂ народной крикъ,
Ни самъ мучитель взоромъ звѣрскимъ
Не склонитъ къ дѣйствїямъ продерзскимъ.

* *
*

На волны зритъ спокойнымъ окомъ,
И на ревущихъ вихрей звукъ,
На стрѣлы, въ гнѣвѣ что жестокомъ
Перунъ изъ сильныхъ мещетъ рукъ,
Хоть съ громкимъ твердь падетъ ударомъ
Онъ будетъ въ постоянствѣ старомъ.

* *
*

Украшенъ оными дарами
Съ Поллюксомъ храброй Геркулесъ,
Взлѣтѣлъ парящими крилами
На верхъ сїяющихъ небесъ;
Межъ ихъ лежа изъ позлащенной
Пьетъ чаши Августъ медъ священной.

Чрезъ

Чрезъ нихъ и Бакхусъ невредимо
Какъ Агнцовъ, Тигровъ обуздалъ,
Чрезъ нихъ Квиринъ непобѣдимой
Безсмертїе себѣ снискалъ;
Когда на божескомъ совѣтѣ
Юнона такъ рекла въ отвѣтѣ.

* * *

Насильство, судъ, краса чужая
Виной, что Троя градъ упалъ,
Какъ мзду за трудъ дать обѣщая
Богамъ Лаомедонтъ солгалъ,
То мнѣ съ Минервой преданъ къ мести
И вождь и съ нимъ родъ полной лести.

* * *

И се ужъ Парисъ нечестивый
Низверженъ въ адско дно лежитъ,
Ни съ Гекторомъ Прїамовъ лживый
Родъ храбрыхъ Грековъ не разитъ:
И брань свирѣпа замолчала,
Отъ нашихъ ссоръ что воспылала.

* * *

Но всѣ вражды пресѣкнуть время,
Я Марсу сына возвращу,
Трояновъ ненавистныхъ племя,
Въ залогъ, что мести не ищу;
И межъ боговъ ему позволю
Имѣть въ безсмертной чашѣ долю.

Межъ

Межь Римомъ толко бы пространный
И падшей Троей Понтъ шумѣлъ,
Лишь звѣрь жилищабъ невозбранны
И паству тучну скотъ имѣлъ,
Гдѣ гробъ Парисовъ и Прїямовъ,
Троянскихъ прахъ гдѣ вѣетъ храмовъ.

* * *

Пускай изгнанные Трояны
Живутъ безбѣдно гдѣ хотятъ,
Пусть храбры Римскїе граждане
Свирѣпыхъ Мидянъ побѣдятъ,
Въ полудни славой пусть сїяютъ,
И западъ еюжь наполняютъ.

* * *

Великодушнѣй презирая
Сребро, что кроетъ нутрь земной,
Какъ для потребы вынимая
На все дерзающей рукой,
Сребро, крѣпчае что хранится,
Когда въ землѣ оно таится.

* * *

Но ежели страна какая
Противъ ихъ мечь свой обнажитъ;
То храбростїю побѣждая
Путь къ славѣ Римъ да отворитъ,
Увидѣть, гдѣ жары вседневны,
Гдѣ стужа ночь и мракъ дождевный.

Судьбу

Судьбу я Рима достовѣрно
Крѣплю, но съ договоромъ симъ;
Чтобъ отчество любя чрезмѣрно,
И щастïемъ гордясь своимъ,
Сверхъ нашей воли не дерзали,
Вновь Трои не возстановляли.

* * *

Но есть ли кто Троянски стѣны
Отважится возставить вновь,
Плачевны наведу премѣны,
Опять пролью продерзску кровь,
Сберу полкѝ побѣдоносны,
Умножу казни въ нихъ поносны.

* * *

Хоть трижды мѣдными стѣнами
Самъ Фебъ градъ Трою оградитъ,
Мой Грекъ кровавыми руками
Ихъ крѣпость трижды разрушитъ,
Въ плѣнъ трижды отведетъ позорной
Ослушной родъ и непокорной.

* * *

Куда стремишься дерска лира?
Пора нестройну пѣснь скончать;
Что всѣмъ владѣютъ кругомъ мира,
Тыль рѣчь ихъ можешь описать?
Престань и низкостïю слова
Не маль Величества такова.

CARM. L. 4. OD. 2.

Pindarum quisquis.

Кто хочетъ Пиндару стихами ;
Іулъ любезный , подражать ,
Тотъ вощаными въ верьхъ крилами ;
Дерзаетъ съ Икаромъ лѣтать ,
Пучинѣ имя что оставилъ ,
Себя безумьемъ обезславилъ.

* *
*

Съ высокой какъ горы стремится
Рѣка наполненна дождемъ ,
Кипитъ , за берега катится ;
Подобно въ слогѣ онъ своемъ
Шумитъ и смысла быстротою ,
И словъ обилною красою.

* *
*

Достоинъ онъ похвалъ догольныхъ ,
О чемъ ни начнетъ говорить ,
Хоть станетъ въ дитирамвахъ волныхъ
Токъ словъ необычайныхъ лить ,
Числа въ стопахъ не наблюдая ,
Съ короткимъ долгой слогъ мѣшая.

XXX Хоть

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Хоть въ честь боговъ, или великихъ
Героевъ умъ свой устремитъ,
Отъ коихъ родъ Кентавровъ дикихъ
Рукою мстительной побитъ;
И пламень погашенъ Химеры,
Сильнѣйшій Этновой пещеры.

* *
*

Хотябъ прославить онъ побѣды
Элидскаго борца хотѣлъ;
Хотябъ коня, что только слѣды
Въ глазахъ оставивъ улетѣлъ,
Возвысить сладостію тона,
Что лучше статуй миліона.

* *
*

Хотябъ о смерти жениховой
Невѣстинъ плачь изображалъ,
Въ немъ умъ и духъ уже готовой
Къ дѣламъ великимъ прославлялъ,
Потомкамъ память оставляя,
И тму забвенья разгоняя.

* *
*

Великой вихорь помогаетъ,
И сила воздуха несетъ,
Когда до облакъ простираетъ
Дирцейской лебедь свой полетъ.
А я тружусь, сижу, потѣю,
Но чуть стишокъ слѣпить умѣю.

Гуляючи

Гуляючи въ лугахъ зеленыхъ,
Всѣ прочія забывъ дѣла,
Или близъ Тибрскихъ струй студеныхъ;
Какъ трудолюбная пчела,
Что по немногу росу съ сотомъ
Беретъ, и то съ трудомъ и потомъ.

* * *

Твоя похвальнѣйшая Лира
Тогда громчае возгласитъ,
Какъ Кесарь обладатель мира
Сикамбровъ гордыхъ побѣдитъ,
И въ Римъ торжественной рукою
Введетъ тмы плѣнныхъ за собою.

* * *

Онъ больше всѣхъ въ предѣлахъ свѣта,
И нѣтъ дороже ничего;
И въ предгрядущи боги лѣта
Не могутъ лучше дать его:
Хотябъ пришли златые вѣки,
Съ звѣрьми какъ жили человѣки.

* * *

Опишешь время то пріятно,
И общу радость всѣхъ гражданъ,
Какъ храброй Августъ къ намъ обратно
Изъ дальнихъ возвратится странъ;
Опишешь тишину въ свободныхъ
Судахъ отъ тяжбъ и ссоръ народныхъ.

Тогда я съ пѣснію твоею
Потщусь свой стихъ совокупить,
Какъ есть ли столько силъ имѣю,
Чтобъ слушанья достойну быть;
Реку: коль свѣтло день сіяетъ,
Въ кой Кесаря народъ встрѣчаетъ.

* * *

Коль долго будемъ съ свѣтлымъ ликомъ
Тріумфъ и радость провождать,
Іо іо съ веселымъ крикомъ
Народъ весь будетъ восклицать,
И ѳимїамомъ изобильнымъ
Пожремъ въ церьквахъ богамъ всесильнымъ.

* * *

Ты множествомъ воловъ избранныхъ
богамъ обѣтъ исполнишь свой;
Меня отъ обѣщаній данныхъ
Телецъ очиститъ молодой,
Что для того нарочно въ злачныхъ
Лугахъ растетъ межъ водъ прозрачныхъ.

* * *

Накривленными онъ рогами
Такой являетъ точно видъ,
Тридневна какъ луна надъ нами
Сквозь тьму и мракъ ночной блеститъ;
Шерсть желтаго на немъ вся цвѣта,
На лбу лишь бѣлая примѣта.

)o(

EPODON. OD. 2.

Beatus ille.

Блаженъ тотъ, кто суетъ не знаетъ,
Какъ жили люди прежнихъ лѣтъ,
Поля наслѣдны насѣваетъ,
И лихвы съ бѣдныхъ не беретъ,
Не слышитъ къ брани трубъ зовущихъ,
Воинскія сердца мятущихъ.

* * *

Не слышитъ корабельныхъ стоновъ,
Какъ съ низу волны, сверьху громъ,
И не теряетъ онъ поклоновъ,
Ходя къ гражданамъ гордымъ въ домъ,
Ни съ кѣмъ онъ тяжбы не заводитъ,
И битьчеломъ въ суды не ходитъ.

* * *

Весной деревья прививаетъ,
Садитъ различныe плоды,
Сухія вѣтьви обсѣкаетъ,
И розами пестритъ сады;
Или пасетъ въ долинахъ мирныхъ
Стада воловъ на паствахъ жирныхъ.

Или изъ ульевъ вынимаетъ
Въ свою потребу чистой медъ,
Иль волну съ агнцовъ остригаетъ
И облегченье имъ даетъ.
Когдажъ осенни дни приспѣютъ,
И всѣ въ поляхъ плоды созрѣютъ;

* * *

Съ какимъ весельемъ собираетъ
Плоды съ усыпанныхъ полей;
Труды свои воспоминаетъ,
И потъ и зной прещедшихъ дней;
богамъ приноситъ въ честь оливы,
Вино и медъ за зрѣлы нивы.

* * *

Покоится густой подъ тѣнью,
Или въ зеленыхъ онъ лугахъ,
Дивится птицъ различныхъ пѣнью,
Межъ тѣмъ въ прохладныхъ берегахъ
Струи шумящи протекаютъ,
И сладкой въ члены сонъ вливаютъ.

* * *

Когдажъ съ полей всю нѣжность лѣта
Суровость сгонитъ зимнихъ дней,
Тогда или изъ норъ въ тенета
Чрезъ трубный нудитъ гласъ звѣрей,
И боязливыхъ зайцовъ ловитъ,
Иль птицамъ скрытну сѣть готовитъ.

Толь сладкую корысть сбирая
Кто можетъ толь нечувственъ быть,
Чтобъ тѣ заботы, что слѣпая
Любовь наводитъ, не забыть?
Но есть ли кто еще такою
По щастью одаренъ женою;

* * *

Какихъ Сабиняне имѣли
Или Апуляне супругъ,
У коихъ лица загорѣли
Отъ полевой работы въ кругъ;
Котораб мужу помогала,
Дѣтьми и домомъ управляла.

* * *

Раскладывалабъ огнь священный
Къ его приходу, чтобъ согрѣть
Трудами члены утомленны,
И овцы загоняя въ клѣть
Ихъ тучной паствою кормила,
И сладко молоко доила.

* * *

И растворивъ сосуды полны,
Гдѣ свѣжее вино и медъ,
Готовилабъ ему довольный
Не съ торгу купленной обѣдъ.
Коль щастьябъ я достигъ такова,
Чего бы мнѣ желать инова!

Что

ЧТо роскошь сластью погруженныхъ
Въ драгой поставила ценѣ,
И что изъ мѣстъ толь отдаленныхъ
Привозятъ моремъ къ сей странѣ,
Все то почелъ бы я травою
Предъ сельской пищею простою.

* * *

КОль масличны плоды любезны,
Коль вкусенъ щевелевой кустъ,
Коль малвы здравы и полезны,
Козелъ избѣгшій волчьихъ устъ,
На жертву иль телецъ избранный,
И въ праздникъ терминовъ закланный.

* * *

МЕжъ роскошей сихъ коль пріятно
Смотрѣть на овцы и воловъ,
Идущихъ ввечеру обратно
Къ покою отъ дневныхъ трудовъ;
На слугъ обильной домъ красящихъ,
Какъ рой усердной пчелъ шумящихъ.

* * *

ТАкъ жизнь селянску похваляетъ
Алфій, даетъ что деньги въ ростъ;
Въ полъ мѣсяца долги збираетъ,
И хочетъ самъ купить погостъ.
Но вдругъ раздумавъ всюды рыщетъ,
Опять въ процентъ отдать ихъ ищетъ.

Кр-1716

)❁(

СН-96 | 7-58~ Км59-153/17

Зар.

Д-58

ГПБ Русский фонд
138
654